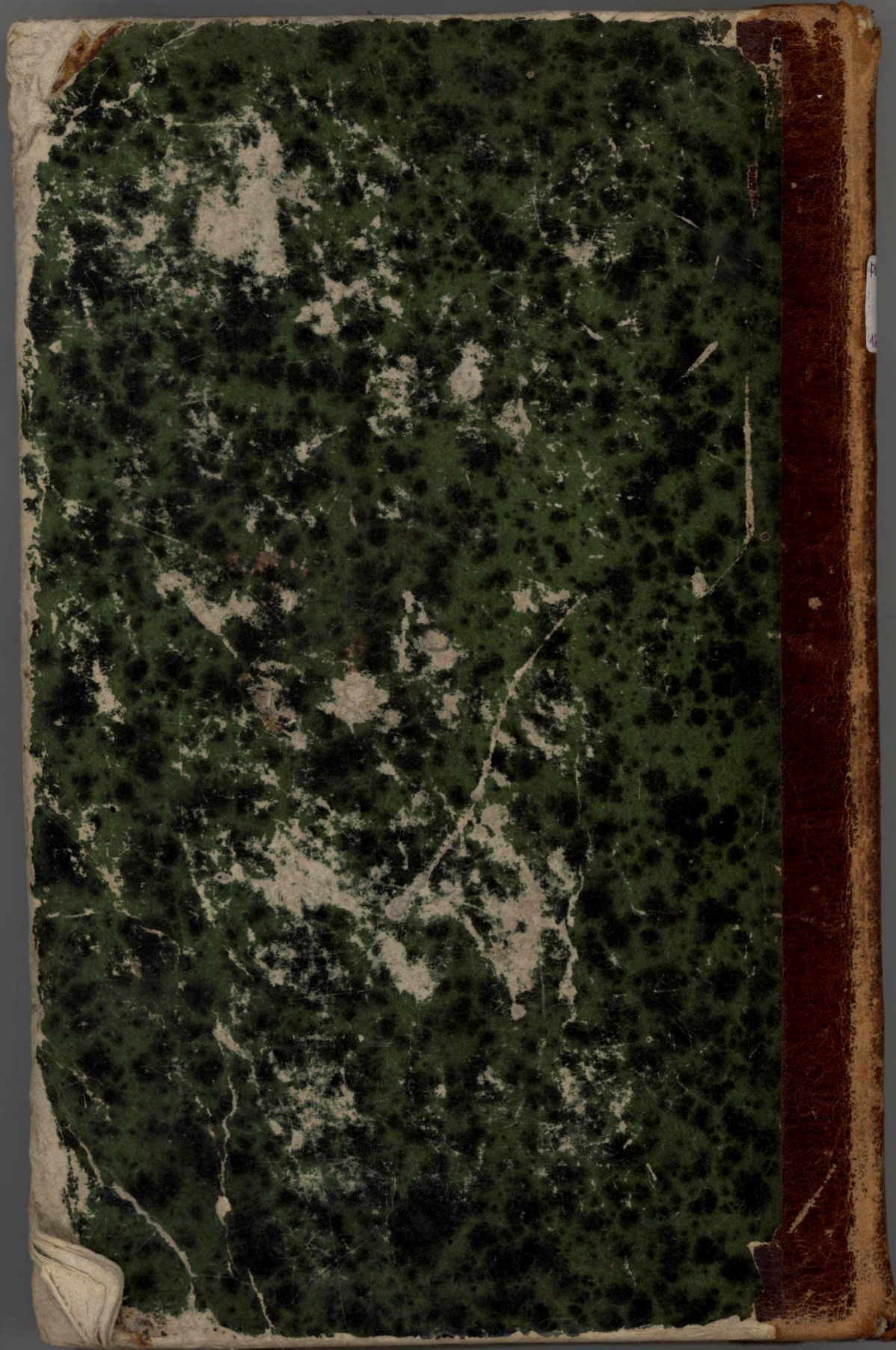

K-107
1862 N/7-8
16183

K
104

104
K
104

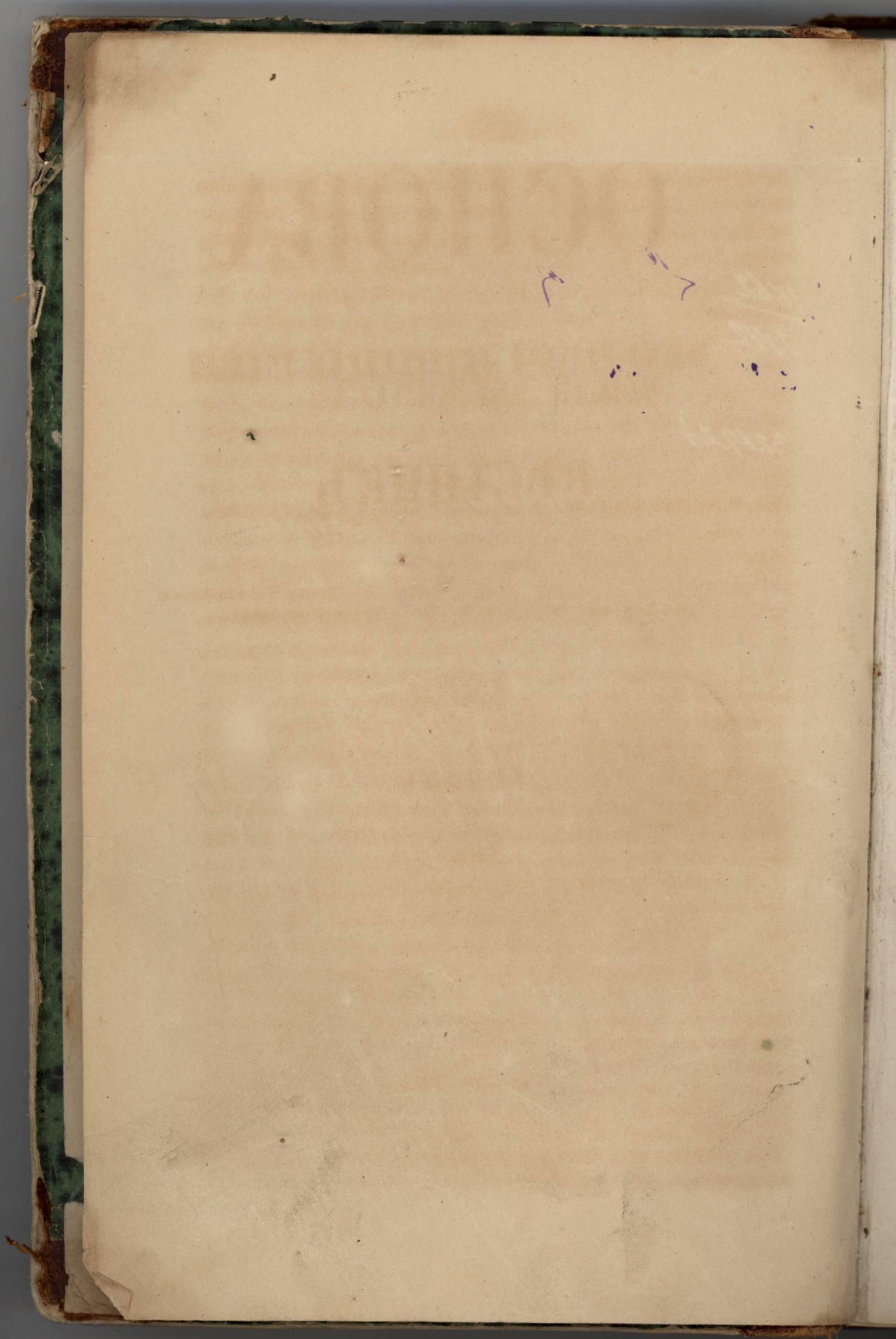

B

157 ⁹
19-20

1984

✓16183

К
104

ОСНОВА

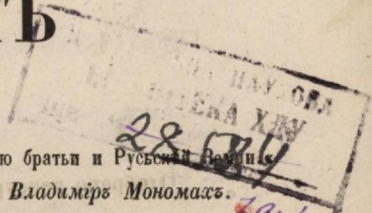
1862
1142

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

320724

ВѢСТНИКЪ

»Добра хочу братья и Русская Земля
Владиміръ Мономахъ.

1917

1862

ЛИПЕЦЬ

(ЮЛЬ)

7-8

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

59

ВЪ ТИПОГРАФІИ П. А. КУЛИША И ТИШЕНА И К^О.

а

101

ОСНОВА

ЮЖНО-РУССКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ-УЧЕБНИК

ВСТАНОВЛЕН

1862

Одобрено цензурою. С. Петербургъ. 1 сентября. 1862 года.

1862

ИЗДАНИЕ

(1012)

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ П. А. СТЕПАНОВА

МЫСЛИ ЮЖНОРУССА.

IV.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕПРАВДА И ЗАПАДНО-РОССІЙСКІЙ ПАТРИОТИЗМЪ.

Мы не будемъ увлекаться какими-нибудь предзанятыми теоріями, льстящими нашимъ національнымъ интересамъ: наше оружіе въ матеріалахъ непоколебимой достовѣрности.

(Изъ программы «Вѣстника Западной и Югозападной Россіи.»)

Явился въ Кіевѣ *Вѣстникъ Югозападной и Западной Россіи*... Да не оскорбится почтенный редакторъ (котораго мы истинно уважаемъ), если мы позволимъ себѣ откровенно высказать нѣсколько замѣчаній, съ которыми предоставляемъ ему соглашаться или не соглашаться, открыть противъ нихъ войну или оставить ихъ безъ вниманія.

На оберткѣ журнала г. Говорскаго, поставлена девизомъ «*историческая истина*»... При всей достовѣрности печатаемыхъ матеріаловъ, при возможно-добросовѣстной ихъ обработкѣ въ-отдѣльности, историческая истина не всегда достигается; напротивъ, при такихъ прекрасныхъ достоинствахъ можно дойти до противныхъ результатовъ, именно—до распространенія между читателями ложнаго пониманія исторіи. Если мы изъ огромной массы историческихъ матеріаловъ будемъ выбирать только тѣ, которые относятся къ какой-нибудь одной группѣ явленій прошедшей жизни, притомъ такіе, которые окрашиваютъ эти явленія извѣстными цвѣтами, именно тѣми, какими намъ особенно-пріятно видѣть ихъ окрашенными; если, при этомъ, станемъ уклоняться отъ обнародо-

ванія матеріаловъ, относящихся къ другимъ, менѣе интереснымъ для нашихъ настоящихъ (въ-сущности—противныхъ чистой наукѣ) побужденій, сторонамъ прошедшаго: то—вмѣсто историческѣй истины—читатели усвоятъ историческую ложь, потому-что, познакомясь съ этими явленіями, не будутъ знать, какое надлежащее мѣсто занимаютъ они на самомъ дѣлѣ въ ряду всѣхъ историческихъ явленій вообще.

Мы не считаемъ себя вправе произносить приговора о журналѣ, котораго только первая книжка появилась въ свѣтъ; но если остальные будутъ издаваться въ томъ же направленіи, то легко стать можетъ, что онъ невольно придетъ къ указанному нами печальному результату. Изъ первой книжки видно, что редакція обращаетъ главное и почти исключительное вниманіе на вопросъ о борьбѣ православія съ католичествомъ и на соединенный съ нимъ тѣсно вопросъ о борьбѣ польской народности съ русскою. Съ этой цѣлю, конечно, редакція перепечатываетъ слишкомъ извѣстное письмо Исаія Копинскаго къ Вишневецкому, которое три раза уже было въ печати, а теперь является въ четвертый разъ. Это одно уже обличаетъ, что редакція становится на полемическую точку, а такая точка, по нашему мнѣнію, будетъ болѣе вредна, чѣмъ полезна не только для исторической истины, но и для разрѣшенія, въ будущемъ, нашихъ политическихъ и общественныхъ недоразумѣній. Мы встрѣчаемъ въ *Вѣстникѣ* »Отвѣтъ г. Юзефовича г. Падалицѣ.« Г. Падалица жаловался, что Кіевская Коммиссія, издавая старые акты, добываетъ изъ своего сада одніѣ кислицы, хотя въ немъ есть и сладкія, хорошія яблока. Г. Юзефовичъ, вспоминая, что онъ распорядился уже о томъ, чтобы въ Коммиссіи былъ редакторъ изъ поляковъ, по выбору дворянъ, замѣчаетъ, что негдѣ взять другихъ плодовъ и что приходится подчивать поляковъ такими, какіе насали ихъ предки.

По нашему глубокому убѣжденію, при обнародованіи историческихъ матеріаловъ и при разработкѣ и обследованіи представляемыхъ этими матеріалами сторонъ протекшей жизни, не слѣдуетъ обращать вниманія, что кому кажется кислымъ или сладкимъ, иначе—что способствуетъ или препятствуетъ извѣстнымъ политическимъ или народнымъ тенденціямъ; а слѣдуетъ безотносительно и безпристрастно стараться объ изображеніи прошедшаго

въ возможно-дѣйствительномъ свѣтѣ, искать одной истины. Есть много такихъ матеріаловъ, которые кажутся то кислицами, то сладкими яблоками; но несравненно больше такихъ, которые безвкусны какъ вода—свѣжая, здоровая, отрезвляющая, и эти-то матеріалы болѣе всего важны въ настоящее время. Познакомьте насъ съ городскимъ и сельскимъ устройствомъ, съ многообразными проявленіями общественной и домашней жизни, быта шляхетскаго, духовнаго, городского и сельскаго, съ гражданскимъ и военнымъ бытомъ, съ понятіями религіозными, юридическими, нравственными, экономическими; покажите, подъ какими вліяніями эти понятія между собою сходились, расходились, переплетались, перемѣнялись; подведите вашъ любимый вопросъ о православіи подъ условія полной исторической цѣльности, да, кромѣ того, явленія, составляющія эту цѣльность—въ отдѣльности каждое само по себѣ и всѣ въ ихъ совокупности—поставьте въ паралель съ историческимъ теченіемъ жизни другихъ народовъ и другихъ цивилизованныхъ обществъ:—тогда только вы уразумѣете истину, тогда только увидите настоящее мѣсто, которое занимали въ дѣйствительности тѣ явленія, которыя васъ особенно интересуютъ, тогда только вы можете быть справедливы и вполнѣ добросовѣстны въ вашихъ сужденіяхъ и приговорахъ. Иначе—вы не избѣжите пристрастія, вступите въ борьбу съ пристрастіями; а черезъ борьбу однихъ пристрастій не достигается истина.

Несомнѣнно, что православіе терпѣло насилія:—напрасно польскіе патріоты старались и стараются укрыть и смягчить эту горькую истину; но и то несомнѣнно, что причины этому лежатъ не въ духѣ нетерпимости и фанатизмапольскаго народа, а въ своеволіи частныхъ лицъ, подстрекаемыхъ избранными фанатиками (1). И это

(1) Для уясненія этого вопроса, весьма важно свидѣтельство извѣстнаго изслѣдователя по исторіи Юго-Западной Руси, Н. Д. Иванничева, заключающееся въ статьѣ его «о постановленіяхъ дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ» («Архивъ Юго-западной Руси», т. II; «Основа» за мартъ 1861 г.) «Народъ польскій, какъ и всѣ другіе Славянскіе народы, никогда не обнаруживалъ, въ своемъ національномъ характерѣ, религіозной нетерпимости. Разсмотрѣвъ нѣсколько сотъ актовыхъ книгъ Волинскихъ, Кіевскихъ и Брацлавскихъ, также акты Трибунала Люблинскаго и Метрики Коронной, мы не нашли ни одного случая, который бы доказывалъ фанатическую ненависть Польскаго народа къ другимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ.

всего лучше доказывается тѣмъ, что Польша, платя дань вѣку, всетаки, вравненіи съ тѣмъ, что дѣлалось въ тѣ же времена въ Западной Европѣ, была вѣротерпимою и гуманною странюю. Было ли въ Рѣчи-Посполитой что-нибудь подобное вареоломеевской ночи, испанской инквизиціи, бойнямъ въ Вассі, въ Эпері, подвигамъ герцога Альбы, преслѣдованіямъ католиковъ въ Англіи и въ Швеціи? Поэтому, какъ несправедливо польскіе патріоты выгораживаютъ свое отечество изъ-подъ общаго уровня господствовавшихъ предразсудковъ, такъ же несправедливо будетъ, если русскіе патріоты станутъ подбирать и выставять напоказъ одиѣ черныя стороны этого дѣла, безотносительно къ тому, какъ тотъ же духъ времени проявлялся въ другихъ краяхъ,—и чрезъ то Польша покажется странюю, будто бы отличавшеюся въ высшей степени нетерпимостью и фанатизмомъ.

Несомнѣнно, что западная и южная Русь была не польскимъ, а русскимъ краемъ. Несомнѣнно, что большая часть дворянскихъ фамилій были православныя по вѣрѣ и русскіе по происхожденію. Ихъ ополяченіе — фактъ прискорбный для русскаго

Мы даже видимъ изъ актовъ, что католики, жившіе въ Югозападной Руси, не дѣлая строгаго различія между католическою и православною религіею, приглашали священниковъ крестить дѣтей и принимали отъ нихъ святое причастіе; православные священники совершали надъ католиками обряды вѣнчанія и погребенія (Архивъ Югозападной Руси, ч. I, т. I, стр. XXXVIII). Большинство Польскаго дворянства на сеймахъ подавало голосъ въ пользу вѣротерпимости и охотно соглашалось на всѣ мѣры, которыя предлагаемы были для примиренія враждовавшихъ религіозныхъ партій, что особенно замѣтно было во время междуцарствій, когда дворяне получили право дѣйствовать по внушенію собственной своей совѣсти (Krzyżanowsky, Dawna Polska, 1857, LXII.) Но въ государственномъ составѣ древней Польши существовала чуждая народнымъ интересамъ, иноземная власть, старавшаяся наложить оковы на разумъ и совѣсть Польскаго и Западнорусскаго народа; эта власть заключалась въ Римской пропагандѣ. Религіозный фанатизмъ, занесенный въ Польшу Римскою пропагандою, поселялъ раздоръ между единоплеменными народами; онъ, какъ погребальный факель, бросалъ свой зловѣщій свѣтъ на всю исторію Рѣчи Посполитой и велъ это государство къ политической смерти. Какъ-только король и сеймъ, для предотвращенія междоусобной религіозной войны, постановили примирительныя статьи (1632 г.) и подтвердили ихъ дипломомъ, даннымъ Русскому народу, тотчасъ раздались протесты высшаго католическаго и униатскаго духовенства. Примаъ королевства и, вслѣдъ за нимъ, клерикальная партія объ

сердца. Скажемъ болѣе — онъ долженъ быть прискорбенъ и для поляка, коль-скоро полякъ глубже всмотрится въ свою исторію: именно, съ ополченія Руси началось паденіе и разложеніе Польши. Пока Русь была Русью и держалась съ Польшею свободно, дорожа, разомъ, и своею отдѣльностью и необходимостью неразрывной связи по взаимности духовныхъ и матеріальныхъ требованій, а не по буквѣ, которая всегда становится насиліемъ, коль-скоро получаетъ значеніе неизмѣняемости; пока Польша признавала эту самобытность Руси и свято чтала ее, — до тѣхъ поръ великъ и могучъ былъ этотъ союзъ двухъ славянскихъ народовъ и общалъ онъ многое въ будущемъ не только для нихъ, но и для остального славянскаго міра. Но какъ только русское дворянство стало терять свою вѣру и народность, а поляки обрадовались, думая, что тутъ-то и сильно будетъ ихъ отечество, когда всѣ начнутъ говорить однимъ польскимъ языкомъ и будутъ католиками, — тотъ же часъ неукрѣпившееся еще зданіе союза и стало подгнивать и клониться къ разрушенію. Мы увѣрены, что еслибъ

явили, что всѣ постановленія короля и сейма, въ пользу православной религіи, не могутъ имѣть никакой законной силы, пока не будутъ утверждены столицею апостольскою. Въ слѣдъ за тѣмъ отправлено было, со стороны католическаго и униатскаго духовенства, посольство къ папѣ Урбану VIII, съ жалобами на распоряженія Польскаго правительства, нарушившаго права Римскаго костела, въ пользу еретиковъ и отступниковъ. Напрасно Владиславъ IV старался убѣдить столицу апостольскую, что возстановленіе религіозныхъ правъ Русскаго народа основано на непреложной справедливости, что неминуемо возникнетъ междоусобная война, и что самая унія подвергнется опасности, если папа не утвердитъ статей, постановленныхъ сеймомъ, для примиренія религіозныхъ раздоровъ. Урбанъ VIII передалъ дѣло на разсмотрѣніе конгрегаціи, учрежденной для распространенія католичества. Конгрегація отвергла всѣ сеймовыя постановленія въ пользу православной религіи и дипломъ, данный Русскому народу, объявивъ ихъ противными божескимъ и человѣческимъ законамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣно было папскому нунцію Гонорату издать, отъ имени столицы апостольской, манифестъ противъ всякихъ правъ, какія бы ни были предоставлены православной религіи.

(*Ostrowskiego. Dzieje u prawa kościoła Polskiego. Warszawa 1793. T. III, str. 484. Łukaszewicza. Dzieje kościołów wyznania Helweckiego w Litwie. T. I, str. 201*).

Такое рѣшеніе столицы апостольской было причиною новыхъ религіозныхъ смутъ и несчастій для западнорусскаго народа.

Русь не переставала быть Русью, — Польша съ Русью продолжали бы возрастать въ силѣ и благоденствіи, и Богъ-знаетъ-какихъ размѣровъ достигали бы онѣ. Польша росла не въ государство, а въ союзъ; чѣмъ разнообразнѣе были элементы въ Польшѣ, тѣмъ Польша была и тверже и могущественнѣе, потому-что разумная свобода и довольство требуютъ разнообразія. Правда, свобода имѣла свои невыгоды и темныя стороны, ибо никакой складъ человѣческихъ обществъ не изъять отъ нихъ; но онѣ изглаживались бы отъ дальнѣйшаго развитія свободы, а не отъ противныхъ ей началъ. Рѣчь-Посполитая, напротивъ, задумала сдѣлаться государствомъ, погрѣшила противъ своей природы, искусилась занесенною изъ запада теоріей единства вѣры и народности, — и за то была наказана.

Съ этой точки зрѣнія разсматривая судьбу Рѣчи-Посполитой, намъ очень прискорбно вспоминать объ ополоченіи Руси; но при этомъ надобно сознаться, что несправедливо будетъ воображать, будто это случилось только отъ насильственныхъ воздѣйствій польской народности на русскую... Не кроется ли вина скорѣе въ самой русской народности? При польскомъ устройствѣ, при той свободѣ, какая составляла коренной принципъ существованія Польши, развѣ русскіе не могли сохранить своей вѣры и своей народности? Развѣ существовала въ Польшѣ какая-нибудь власть, которая бы мучила, била, сѣкла, запирала въ тюрьмы, жгла, заставляя вѣрить, думать, говорить, писать такъ какъ ей угодно? Нѣтъ. Не смотря на то, что король Сигизмундъ III находился въ рукахъ у іезуитовъ и старался, на-сколько ему давало власти польское устройство, проводить торжество католичества надъ православіемъ, — никто не могъ воспрепятствовать явиться смѣлымъ сочиненіямъ въ защиту православія; никто не могъ воспретить папамъ русской вѣры быть сенаторами, воеводами. Ни козни іезуитовъ, ни интриги чужеродныхъ королей не поколебали бы русской вѣры и народности, еслибъ сами дѣти православной вѣры не измѣнили ей, еслибъ ихъ русскія кости не поросли такъ легко польскимъ мясомъ. Іезуиты заводили школы, куда принимали русскихъ дѣтей и подготавливали ихъ отступничество... А развѣ православные не могли также основывать школы, чтобы готовить крѣпкихъ и доблестныхъ защитниковъ отеческаго наслѣдія? Да развѣ Русь не была и болѣе Польши? Последняя не могла бы сладить съ нею матеріальными

средствами, еслибъ употребила насиліе... Ополяченіе Руси произошло болѣе отъ слабости Руси, чѣмъ отъ насилій и интригъ католичества и полонизма.—Насъ обманули, насъ соблазнили іезуиты,—скажутъ русскіе. А зачѣмъ же вы поддавались имъ?—можно сказать русскимъ. Въ такомъ случаѣ, вините собственную слабость, столько же, какъ іезуитовъ. Да, слабость—вотъ-что погубило русское дворянство! Эта-то слабость—потому-что она слабость—была провозвѣстницею дальнѣйшихъ слабостей и паденія. Какіе печальные плоды принесла она! Разъединеніе дворянства отъ народа; то кровавыя народныя возстанія, то крайній упадокъ духа, узкій—личный—эгоизмъ, естественный въ верхнемъ слоѣ, коль скоро послѣдній отрывается отъ массы; вмѣшательство сосѣдней политики и ниспроверженіе зданія, подорваннаго внутреннею гнилью... Въ самомъ дѣлѣ, кому было защищать это зданіе? Наибольшая масса населенія въ немъ—это русскій народъ: какой интересъ могъ побуждать его охранять это зданіе, когда онъ самъ былъ чужой въ немъ? Притомъ, и тѣ, которые изъ русскихъ передѣлались въ поляковъ, носили въ себѣ послѣдствія этой передѣлки. Не имѣя солидарности съ народомъ, они не имѣли ее и между собою; легкость, съ какой они потеряли прежнюю народность, осталась и утвердилась въ ихъ характерѣ. Общество, потерявшее прежній корень, не сразу пуститъ новый; оно не имѣетъ за собою исторической святости; судьба ихъ предковъ служить для нихъ укоромъ и они отвращаются отъ нея, стараются забыть старое, ибо имъ отъ него невольно стыдно; а новое еще не успѣло сдѣлаться историческимъ достояніемъ. На перевертняхъ вообще лежитъ отпечатокъ слабости, вялости, недостатокъ сознанія цѣлей, крѣпости взаимодѣйствія и энергіи труда и воли. Измѣнивши разъ душѣ своей, они долго еще готовы измѣнять ей въ другой и въ третій разъ... Нужны вѣка, чтобы старое совсѣмъ изгладилось изъ памяти, а новое, въ свою очередь, сдѣлалось стариною. Но Южная и Западная Русь могла дойти до этого только тогда, когда бы весь народъ передѣлался въ Поляковъ, когда бы на землѣ русской не оставалось ничего напоминающаго народу прежнія основы жизни, когда бы Русь для Руси стала тѣмъ, чѣмъ для насъ, христіанъ, теперь славянское язычество. Иначе было бы, еслибы русское дворянство держалось съ народомъ однихъ основъ жизни: народъ не могъ бы упасть до такой степени политической и общественной апатіи.

Свѣтъ просвѣщенія, конечно, входилъ бы въ него, когдабы слово просвѣщеннаго человѣка было для него свое слово; духъ свободы передавался бы ему отъ единовѣрцевъ, говорящихъ съ нимъ однимъ языкомъ; народъ бы сознавалъ, что у него есть отечество и защищалъ бы его; дворянство смотрѣло бы на это отечество подъ однимъ угломъ зрѣнія съ народомъ, и, конечно, союзъ Польши съ Русью не могъ бы такъ легко разрушиться.

Такимъ-образомъ, вина ополяченія Руси, которое было главнымъ началомъ разрушенія Рѣчи-Посполитой, лежитъ въ самомъ русскомъ дворянствѣ; посмотрѣвъ глубже, мы ее найдемъ въ самихъ-себѣ: окажется, что главнымъ образомъ виною ополяченія части русскаго народа собственный народный порокъ. Сознаніе собственныхъ пороковъ въ народѣ всегда бываетъ спасительно: оно укрѣпляетъ народныя силы и народъ дѣлается способнѣе къ энергической дѣятельности самосохраненія и нравственнаго саморазвитія. Можетъ-быть, это сознаніе пришло уже поздно. Но лучше поздно, чѣмъ никогда. Поздно для прежнихъ отжившихъ формъ, — не поздно для дальнѣйшей исторической жизни въ будущемъ.

Признавая фактъ ополяченія и окатоличенія Руси собственною народною виною, мы уже должны будемъ сойти съ точки неприязни и вражды къ польской народности. Между-тѣмъ, извѣстно, какъ часто смотрѣли у насъ на вопросъ односторонне, воображая, что русская народность потеряла отъ сильныхъ ударовъ, противъ которыхъ устоять не было у нея средствъ. Да и на самую народность русскую смотрѣли фальшиво: воображали себѣ тождество или прямое наслѣдственное преемничество этой народности, съ такъ-называемою, общерусскою, т. е. народностью высшаго класса въ Россійской имперіи. Но народность, которую теряли ополяченные дворяне, была вовсе не та, которую хотѣли бы нѣкоторые писатели навязать имъ теперь, какъ ихъ прежнее историческое достояніе. Если бы тѣ ее приняли, то отнюдь не возвратили бы народной святыни предковъ, а еще одинъ лишній разъ передѣлались, и послѣ того могли бы еще въ третій разъ передѣлаться, пожалуй, хоть въ Нѣмцевъ. »Вѣстникъ Югозападной и Западной Россіи« ратуетъ не за ту народность, которая была дѣйствительно народностью ихъ предковъ и до сихъ поръ живетъ въ народѣ, а за такъ-называемую общерусскую. Въ разборѣ статьи г. Чернышевскаго: »Национальная Безтактность« (гдѣ, при дѣйствительномъ незнаніи многихъ сторонъ галицко-рус-

ской жизни, есть однако вѣрные взгляды, возбудившіе, какъ намъ достовѣрно извѣстно, сочувствіе у западныхъ славянъ, которымъ сильно опротивѣло австрійское покровительство), неизвѣстный критикъ заранѣе изрекаетъ Южнорусской народности и языку приговоръ, называя нелѣпностью стремленіе къ самостоятельному ихъ развитію. Трудно спорить объ этомъ и впрямь и вкось. Успѣхъ и неуспѣхъ зависятъ, во-первыхъ, отъ большей или меньшей степени свободы, какою будетъ пользоваться это стремленіе, и во-вторыхъ, отъ явленія талантливыхъ писателей на этомъ языкѣ. Послѣ Квитки и Артемовскаго-Гулака, этотъ языкъ въ литературномъ движеніи былъ уже не таковъ, какъ въ сочиненіяхъ Котляревскаго, послѣ Шевченка и Кулиша онъ подвинулся далѣе, чѣмъ былъ при Квиткѣ. Что можетъ на немъ явиться—кто въ-силахъ пророчить? Но, во всякомъ случаѣ, авторъ »Національной Безтактности« совершенно правъ, совѣтуя Русинамъ держаться южнорусскаго языка, на которомъ образовалась уже литература. Мы не поставили бы »Львовскому Слову« въ вину, еслибъ оно писалось и на чистомъ великорусскомъ нарѣчій; но что же дѣлать, если жаргонъ производитъ на наши уши впечатлѣніе, какое оставляетъ ёрзанье грифеля по стеклу. Отвращеніе къ такому языку, очень напоминающему безсмертныя творенія Василія Кириловича, мы вполне раздѣляемъ съ авторомъ »Національной Безтактности«. *Впрочемъ, съ удовольствіемъ мы замѣчаемъ, что »Слово«, въ последнее время, болѣе и болѣе покидаетъ свою тарабарщину и усваиваетъ живую народную рѣчь.*

Мы излагаемъ наши замѣчанія, вовсе не желая этимъ говорить ополяченнымъ потомкамъ южнорусскихъ дворянъ: будьте снова малоруссами ⁽¹⁾; мы хотимъ только сказать, что занимаясь исторіею западной и южной Руси, не слѣдуетъ становиться исключительно на точку вражды православія съ католичествомъ и русской народности съ польскою, и подводить подъ нее всѣ явленія прошедшей

(1) Хотя, разумѣется, мы и желали бы, чтобы живущіе въ Южной Руси поляки уразумѣли, ту очевидную истину, что ихъ родина — вовсе не Польша, а Южная Русь, Малороссія, они же въ ней — потомки ренегатовъ, нѣкогда утратившихъ свою вѣру и народность; съ такимъ значеніемъ они хотя имѣютъ полное право быть гражданами страны, гдѣ живутъ, но не иначе, какъ оказывая уваженіе къ народу и не возбуждая противъ себя вражды покушеніями порабощать или извращать его народность.

жизни; а то можно какъ-разъ дойти до недобросовѣстнаго искаженія фактовъ. Предъ нами два примѣра тому изъ двухъ враждебныхъ лагерей. Г. Падалица, въ »Виленскомъ Вѣстникѣ« хотѣлъ во что-бы то-ни-стало доказать, что положеніе хлопковъ было какъ нельзя точнѣе гарантировано закономъ. За неимѣніемъ дѣйствительно существовавшихъ законовъ, онъ прибѣгнулъ къ вымышленнымъ и указывалъ въ Volumina Legum небывалое постановленіе, или давалъ тамъ находящимся совѣтъ не тотъ смыслъ, какой они имѣютъ. Въ »Вѣстникѣ Югозападной и Западной Россіи« мы встрѣтили подобное, въ статьѣ: »Литва въ отношеніи къ Россіи и Польшѣ«. Такъ, автору хочется доказать, что литовскій князь Витольдъ былъ православный. *Весьма многие* — говоритъ онъ — *первый разъ услышатъ, что литовскій князь-богатырь, составлявшій гордость народа литовскаго, былъ сыномъ православной церкви. Но это подтверждается словами ученаго и достовѣрнѣшаго польскаго историка, Длугоша.* При этомъ авторъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ Длугоша:

»Witholdus Grodnensis dux magis modesti magisque vegeti et semper sobrii vir ingenii, et propter Ruthenorum assistentiam, qui illi propter ritus (читай ritus) sui identitatem magnopere officiebantur.«

Изъ этого мѣста ничего понять нельзя, потому что тутъ вѣтъ глагола, относящагося къ *Витольду*. Авторъ умышленно пропустилъ остальную часть періода, потому что изъ нея выходитъ противное тому, что ему доказать хочется. Длугошъ говоритъ о враждѣ Витольда съ Скиргелломъ, описываетъ послѣдняго человѣкомъ жестокимъ и пьянымъ, далѣе рассказываетъ, что Витовтъ, — опасаясь его, во-первыхъ, потому, что онъ имѣлъ при себѣ кружокъ изъ русскихъ, которые склонились къ нему по причинѣ одинаковости обрядовъ, а во-вторыхъ, по братству его съ Ягелломъ, и услышавъ, что Скиргелло замышляетъ умертвить его либо ядомъ, либо кинжаломъ, или какимъ-нибудь другимъ способомъ, — убѣждалъ изъ Литвы, оставивъ гарнизонъ въ Гроднѣ и Брестѣ. Это мѣсто у Длугоша читается вотъ-какъ:

Hunc Withaudus, Grodnensis dux, magis modesti magisque vegeti et semper sobrii vir ingenii et propter Ruthenorum assistentiam, qui illi propter ritus sui identitatem magnopere addicti erant et propter Wladislai Poloniae regis germanitatem,

pertimiscens, et ex plerisque avisamentis proesumens illum in suam omniumque suorum necem ferro, veneno et qualibet occasione inferendam vehementer grassari, vitae suae ac suorum contulturus, cum Anna coniuge sua et omnibus boiariis militibus ac familiis suae ditionis Grodno et Brzeszcie castris quae suo parebant imperio, forti militum praesidio locatis ex Lithuania effugit.

Далѣе объясняется, что онъ убѣждалъ къ мазовецкимъ князьямъ, а когда ими дурно былъ принятъ, то къ ордену крестоносцевъ. То, что авторъ отнесъ къ Витовту, у Дługосза относится къ Скиргеллу, врагу Витовта. Авторъ указываетъ еще на свидѣтельство другого историка, Виганда изъ Марбурга. Прибывъ въ Литву — говоритъ авторъ — Витовтъ крестился въ православіе. Затѣмъ дѣлается ссылка на книгу: *Puscizna po Janie Długoszu, to iest Kronika Wiganda z Marburga, Poznań, 1842. Стр. 304 и 305.* Развернувъ указанныя страницы въ этой книгѣ, мы нашли тамъ слѣдующее: на стр. 304. *Sed antequam huiusmodi dolos perferisset ut amplio rem haberet inter Cristicolas confidentiam, baptizari se fecit in Tappiow, Magisterque Wigandus supra dictus et Schultecissā de Tappiow eum ad fontem baptismatis tenuerunt;* на стр. 335 тоже по польски: *Lecz nim te zdrady do skutku przywiódł chcąc większe u chrześcian mieć zaufanie, dał się ochrzcić w Tapiow. Wigand, mistrz wyżej wspomniany, i wojtowa w Tapiow trzymali go do chrztu.* Здѣсь говорится о крещеніи Витовта у крестоносцевъ: кто же можетъ тутъ подозрѣвать *православное* крещеніе? Какъ же авторъ рѣшился указывать на источники, гдѣ совершенно противное тому, что хочется доказать, и ссылаться въ надеждѣ, что слова его примутъ безъ разсужденій и повѣрять источниковъ не станутъ? *Wet za wet.* Т. Падалица и авторъ статьи, помѣщенной въ «Вѣстникѣ», воюють однимъ оружіемъ: они смѣло указываютъ въ цитируемыхъ источникахъ на то, чего тамъ нѣтъ вовсе. Вотъ до чего доводитъ пристрастіе! Неужели же, въ какомъ бы ни было отношеніи, подобныя средства могутъ принести какую-нибудь пользу?

Въ такомъ же духѣ написана статья г. Воронина: «О польскомъ аристократическомъ элементѣ въ югозападной Россіи». Странно видѣть, что въ 1862 году печатаются и выдаются за истинную сказку, выдуманныя въ разныя времена, а въ-особенности украшен-

ныя вымышленными подробностями тѣмъ, кто составилъ »Исторію Русовъ«, приписываемую архіепископу Конисскому. Авторъ съ наивностію, достойною 1826 годовъ, вѣрить не только въ каменный столпъ Косинскаго, въ мѣднаго вола Наливайка, въ содранную кожу Павлюка, въ варварскія истязанія Острианина (передѣланнаго въ Острианицу), съ тридцатію семью старшинами, съ ихъ женами и дѣтьми въ Варшавѣ. Г. Воронинъ остается въ блаженномъ невѣдѣніи того, что, по свидѣтельству несомнѣнныхъ актовъ, Острианинъ, постыдно убѣжавъ съ поля битвы, поселился въ предѣлахъ московскаго государства въ Чугуевѣ, а тамъ былъ убитъ своими же козаками, не влюбившими его за что-то на новосельи, и по смерти гетмана, ушедшими назадъ во владѣнія Рѣчи-Посполитой. — Вотъ какія страсти рассказываетъ авторъ о сеймѣ 1597 года: — На этомъ сеймѣ — сообщаетъ онъ — *русскіе депутаты лишены были права участвовать въ народныхъ сеймахъ, а дворянство — права выборовъ и должностей правительственныхъ и судебныхъ; оно названо хлопствомъ, а народъ, отвергавшій унію, схизматическимъ; вельно отъ русскихъ урядниковъ отобрать всѣ ранковыя имѣнія и передать полякамъ; весь русскій народъ объявленъ бунтующимъ и состоящимъ внѣ законовъ.* Неужели авторъ, составляя такую чушь, не зналъ, что существуетъ сводъ сеймовыхъ постановленій, подъ названіемъ: *Voluntina Legum*? Заглянувши туда, онъ могъ бы повѣрить, дѣйствительно ли состоялось въ этотъ годъ такое постановленіе на сеймѣ.

Окончаніе статьи г. Воронина обѣщается *впередъ*. Ну, хороша будетъ историческая истина въ »Вѣстникѣ Югозападной и Западной Россіи«, если онъ будетъ и впередъ наполняться такими жалкими компиляціями. Мы не имѣли цѣлью писать разбора »Вѣстника« (мы рѣшились сказать нѣсколько словъ только по поводу старыхъ предразсудковъ, которые, къ сожалѣнію, видимъ здѣсь въ полной жизни, когда, напротивъ, думали, что они давно уже отошли къ праотцамъ, при большемъ расширеніи средствъ узнать и уразумѣть прошедшую жизнь южной и западной Руси); поэтому не станемъ распространяться ни о статьѣ г. Кулиша »Паденіе шляхетскаго господства въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра«, написанную съ обычнымъ автору талантомъ и съ основательнымъ знаніемъ историческихъ источниковъ, ни о замѣткѣ по университетскому вопросу г. Юзефовича, замѣчательной по вѣрности

взгляда на нѣкоторыя стороны столь-важнаго, въ настоящее время, вопроса. Не можемъ только удержаться, чтобъ не сказать нѣсколько словъ по-поводу одной статистической новости, поразившей насъ и приведшей въ недоумѣніе. На 88 страницъ IV отдѣла, въ перечнѣ жителей Кіевской губерніи по племенамъ, напечатано слѣдующее:

Поляно-руссозъ (остатокъ племени древнихъ Славянъ, обитавшихъ по Днѣпру, въ окрестностяхъ Кіева, и сохранившихъ древніе обычаи, языкъ и нравы): 1355... Хорошо было бы, еслибъ »Вѣстникъ«¹ сообщилъ намъ болѣе подробныя свѣдѣнія о такомъ интересномъ народѣ! Полезно было бы также и для читателей, и для успѣха *Вѣстника*, чтобы онъ удѣлилъ какую-нибудь долю вниманія современному положенію края, — настоящимъ его потребностямъ — нравственнымъ и вещественнымъ...

V.

О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНИИ И О СРЕДСТВАХЪ ДЛЯ ИЗДАВАНІЯ УЧЕБНИКОВЪ НА УКРАИНСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Прочитавъ въ майской книжкѣ »Основы«² Мысли Южнорусса о преподаваніи на южнорусскомъ языкѣ, мы обрадовались, но вмѣстѣ-съ-тѣмъ и задумались.... Ужели, въ самомъ дѣлѣ, суждено сбыться опасенію знаменитаго нашего профессора? Ужели мы, Украинцы, справедливо гордясь Шевченкомъ, — этою лучезарною звѣздою нашей родины, славнымъ во всемъ Славянскомъ мірѣ, — не сумѣемъ поддержать его *завѣта*, и ограничимся только тѣмъ, что будемъ стараться »лишь ввернуть въ свою рѣчь дватри малороссійскихъ выраженія«³ да хвалиться нашимъ незабвеннымъ Тарасомъ?..

Тяжело сердцу отъ такой мысли!...

Народу нашему нужны книги на родномъ языкѣ: мы это знаемъ всѣ, даже читали объ этомъ не одинъ разъ, — а что же до-сихъ-поръ сдѣлали? Да почти ничего. Мы пишемъ, читаемъ, говоримъ о любви нашей къ народу, — а чѣмъ доказали свою любовь къ нему на дѣлѣ? Мало выигрываетъ нашъ Южнорусскій народъ отъ того, что нѣкоторые Украинцы надѣваютъ свитку, вмѣ-

сто сюртука. Кажется, всѣ эти чамарки, конфедератки, свитки и тому подобные костюмы, удивляютъ только народъ, не принося ему никакой пользы. Вотъ, еслибы, вмѣсто подобныхъ затѣй, земляки наши пожертвовали хоть по одному рублю на изданіе книгъ на народномъ языкѣ, — это было бы доброе, вполне-патріотическое, дѣло!.. Объ этомъ не мѣшало бы подумать серьезнѣе... Существуютъ ли препятствія, и какъ ихъ устранить — объ этомъ должны позаботиться наши передовые люди, которыхъ мы уважаемъ и которымъ привыкли вѣрить...

Упомянувъ о *препятствіяхъ*, я разумѣю увѣреніе правительства въ томъ, что преподаваніе на южнорусскомъ языкѣ, не повредитъ ни экономическимъ, ни государственнымъ его выгодамъ. Да ужели правительству не извѣстно, что отказъ въ столь законномъ требованіи народа дѣйствительно дѣлаетъ народъ еще болѣе *несовершеннолѣтнимъ* ⁽¹⁾, какъ выражаются наши Украинцы римско-католическаго исповѣданія, разсуждая о настоящемъ положеніи народнаго образованія, и прося гостепрѣмства своему слову въ польскихъ газетахъ? Господа эти, сѣтуя, что Украина, Волынь и Подоль не имѣютъ своего мѣстнаго органа, все-таки смѣло ведутъ *свое дѣло*. Они начали, разумѣется, съ того, что пишутъ «Elementarze w Rusińskim języku», но только польскими буквами. Ничто не мѣшаетъ ихъ дѣйствіямъ. Стоитъ прослѣдить польскую журналистику хоть за одинъ нынѣшній годъ: чего здѣсь нѣтъ? «Lud nasz», «nasz naròd», говорятъ корреспонденты польскихъ газетъ; а сами редакторы этихъ газетъ, или мѣстные ихъ сотрудники, говоря о Южнорусскомъ краѣ, называютъ его: «kraj nasz», «nasze prowincye». Вотъ корреспонденція изъ Волыни. Какой-то панъ Огоньчикъ говорить: «Potrzeby Elementarza Rusińskiego nie przyznawać nie mogę, mieszkając na Wołyniu, gdzie lud cały mówi tym językiem — i stojąc usilnie przy tém zdaniu, iż kto może umieć czytać i pisać, niechże umie najprzód czytać w tym języku, w którym mówi, a później innych.» ⁽²⁾. Мысль

(1) См. Gazeta Polska, № 32, за 1862 годъ.

(2) Я не могу не признать потребности въ Русинскомъ букварѣ, живя на Волыни, гдѣ цѣлый народъ говоритъ своимъ языкомъ, и отговариваю то убѣжденіе, что кто можетъ выучиться читать и писать, пускай же умѣетъ

эта само-по-себѣ прекрасная; но нужно знать весь духъ польской журналистики, чтобъ понимать дѣло.

Эти господа предлагаютъ нашему народу на Rusińskim ięzyku польскими буквами! ⁽¹⁾ Не нужно много проницательности для того, чтобъ понять эту выходку. А вотъ передъ нами лежитъ: »Elementarz Polski dzieci Polskich obojej płci: wszelkich stanow, ple-mion i wŕsznań« ⁽²⁾ J. Bańkowski. Замѣтимъ эпиграфъ:

Ucz się, a jak się nauczysz, ucz innych;

а также объявленіе автора:

»Wolno jest przedrukować każdemu.«

Теперь посмотримъ, что это за Elementarz? Въ немъ читаемъ слѣдующее: Судоходныя рѣки: Висла, Санъ, Нѣманъ и Днѣпръ; замѣчательные города: Варшава, Вильно, Краковъ, Львовъ, Познань, Ковно, Минскъ, Житомиръ и пр. (»są to miasta, w których drukują elementarze i inne książki« — Такъ опредѣляетъ значеніе этихъ городовъ г. Банковский). Знаменитые Польскіе граждане:... *Константинъ Острожскій*. И все это совершается передъ глазами!.. Господа эти, утверждая, что Język Rusiński, zapatrując się nań ogólnie—nie jako na język jakiegos zakątka kraju pojedynczo, jest językiem oddzielnym bez wątpienia, i ani Rosssyanie, ani Polacy, nie mogą dowodzić, by był narzeczem ich mowy. Może tam, przed wieki, było gdzieś wspólne źródło, lecz nic nadto więcej ⁽³⁾, или Historia Polska, w stosunku jej zwłaszcza do Rusi, nie jest jeszcze dotad wytłómaczoną ani poznaną dobrze, ażeby badacz onej mógł osta-

читать прежде всего на томъ языкѣ, на которомъ говорить, а потомъ уже на другихъ. Тоже. № 176.

⁽¹⁾ П. Юльянъ Котовичъ написалъ объ этомъ »разсужденіе«.

⁽²⁾ Польскій букварь для дѣтей Польскихъ обоого пола, всѣхъ сословій, племенъ и вѣроисповѣданій.

⁽³⁾ Языкъ Русинскій — вообще, а не какъ языкъ какой-нибудь частицы края въ-отдѣльности, — есть несомнѣнно-особый языкъ, и ни Великоруссы, ни Поляки не могутъ утверждать, что это — нарѣчіе ихъ языка. Можетъ-быть, въ оное далекое время, источникъ ихъ былъ общій — но не болѣе. См. Gazeta Polska, № 176, за 1862 годъ.

teczne wyrzec słowo. Wmiarę gromadzenia historycznych materiałów, odsłania się nam i to i owo, i wiele kwestyi inaczej dziś oceniamy, jak przed dziesięcią laty, ⁽¹⁾ съ чѣмъ нельзя не согласиться, не — хотятъ однако жъ допустить того, что этотъ языкъ *вырабатывается* и можетъ быть языкомъ науки. Они прямо говорятъ: Na Elementarz, katechizm, bajeczki, powiastki, początki, ale same początki tylko (?) rachunku, geografji, historii, na to wszystko wyrazy znajdą się z potocznej mowy ludowej, a przynajmniej bardzo mało się pozyczy. Sięgając po więcej nauki, »trzeba (?) już uczniowi brać rozbrat z językiem,« w którym nauka ni literatura traktować nie mogą, lecz już pierwsze lody będą przełamane i piezwsza trudność nauki zwalazona, — wielu zaś i na tém na resztę życia poprzestać będzie musiało; a zaś którzzy iść dalej będą chcieli, tak sobie radzić będą oczewiście, jak Litwini, Żmudziny, którzzy »jęзыка literackiego właściwego również nie mają, bo nie mają jego potvzeby, bo cała klasa oświeceńsza innym mówi ⁽²⁾«. Видите, куда идутъ они! А мы молчимъ, мы деликатничаемъ. »Rus jest Polska« говорятъ намъ, и объ украинцахъ замѣчаютъ: »naród ich (писателей) nie przeczyta; lecz gdy są tacy piśmienni którzy to

(1) Историю Польши, — въ-особенности по отношенію ея къ Руси, — еще недостаточно объяснили и изучили, для того, чтобы изслѣдователь ея могъ произнести свое послѣднее слово. По мѣрѣ накопленія историческихъ матеріаловъ, намъ открывается та или другая сторона, и въ настоящее время, многіе вопросы мы обсуждаемъ уже иначе нежели десятокъ лѣтъ тому назадъ. Bibliotek Warszawska, Іюль 1862 г.

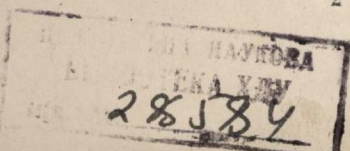
(2) Для букваря, катихизиса, басень, рассказовъ, для началъ — только — началъ ариметики, географіи, исторіи, — для всего этого найдутся выраженія и въ обычной народной рѣчи, — по крайней мѣрѣ пришлось бы занимать у другихъ мало. Если же ученикъ пожелаетъ учиться дальше, онъ долженъ (?) уже разстаться съ своимъ языкомъ, на которомъ не могутъ (?) быть изложены науки и литература; но первый лёдъ будетъ ужъ взломанъ, первоначальная трудность обученія преодоленна, и, наконецъ, многіе принуждены бывають на началахъ и покончить. Кто пойдетъ впередъ, тотъ — очевидно — послѣдуетъ примѣру Литовцевъ, Жмудиновъ, которые тоже не имѣють собственнаго литературнаго языка, — потому что не имѣють въ немъ надобности, потому-что все образованное сословіе говоритъ инымъ языкомъ...

piszą, to znajdują się też i tacy bez wątpiennia, którzy to nie piśmiennym czytają i na ucho szepeczą — i dziwić się oporowi włóścian w podpisywaniu listów nadawczych! —

Что́ это такое??!

Такъ и хочется сказать всѣмъ этимъ господамъ:

«Сударь!» говорить панъ Огоньчикъ... «знаете ли, что́ дѣлается?» Вотъ, по нашему мнѣнію, важное препятствіе, которое необходимо устранить какъ-можно-скорѣе. Но какъ? У насъ нѣтъ ни тѣхъ огромныхъ средствъ, ни того единодушія, съ какими дѣйствуютъ эти непрощенные учителя. Они, напримѣръ, затѣяли «Elementarz» — и вотъ собираются складки, — составляется комитетъ, — назначается конкурсъ. Да! гдѣ есть сознаніе дѣла, гдѣ есть постоянство въ стремленіи къ достиженію цѣли, тамъ не пугаютъ внѣшнія мѣры. У насъ ни того, ни другаго — *нѣтъ еще*; но мы вѣримъ — и это много значить, — что «наша слава не вмрѣ, не поляже!» Что́ же намъ нужно дѣлать? Мы знаемъ, что, на изданіе народныхъ книгъ, нѣтъ денегъ, а безъ книгъ, безъ нашихъ книгъ, образованіе народа *непрѣмьно поидетъ превратнымъ путемъ*..... Предметъ важный — есть о чемъ подумать и позаботиться!... Выскажемъ нашу мысль. Сомнительно ожидать, пока найдутся состоятельные люди, которые примутъ на свой счетъ изданіе народныхъ сочиненій и заведеніе училищъ. Не вѣрнѣ ли было бы обратиться къ самому Южнорусскому народу за деньгами? Приступить къ этому можно слѣдующимъ образомъ. Мы полагаемъ, что, въ каждомъ Южнорусскомъ городѣ, найдутся такіе люди, которые сознаютъ всю важность дѣла народнаго образованія. На такихъ людей слѣдуетъ разсчитывать. Пусть каждый изъ нихъ содѣйствуетъ честному дѣлу; пусть каждый изъ нихъ предложитъ своимъ друзьямъ, пріятелямъ и знакомымъ — пожертвовать четвертакъ, полтинникъ, рубль на изданіе книгъ на языкѣ того народа, трудами котораго не одинъ изъ нихъ пользовался и пользуется. Такимъ-образомъ, собравъ, примѣрно, пятьдесятъ рублей, они могли бы отсылать ихъ въ избранное мѣсто, въ завѣдываніе нѣсколькихъ знающихъ и уважаемыхъ у насъ людей. Когда бы собралась извѣстная сумма, напр. 2000 руб. ср., тогда можно бы назначать конкурсы на необходимѣйшія книги; признавъ достойнымъ изданія, на счетъ собраннаго капитала, какое-либо сочиненіе, и вознаградивъ приличнымъ об-

разомъ автора рукописи, приступать къ напечатанію книги въ возможно-большемъ количествѣ и по возможно-дешевой цѣнѣ. Вырученныя, за продажу такого сочиненія, деньги, обращать на изданіе другой книги, стоящей на очереди. — Оказывается, — задача весьма несложная, да и не новая!.. Ужели она такъ неудоборазрѣшима на нашей милой и дорогой намъ родинѣ? Кто-то сказалъ: «слово еще не есть дѣло; всякая истина какъ бы ни была она несомнѣнна, но если не осуществится въ дѣлахъ—она есть только слово, пустой звукъ—таже ложь.»

Больно подумать, что до-сихъ-поръ больше говорить, нежели дѣлаютъ! Далекіе отъ родины, но сознающіе всю важность дѣла народнаго образованія, мы посылаемъ на этотъ предметъ *десять* рублей, изъ коихъ *два* принадлежатъ подписавшемуся, а остальные—другимъ защитникамъ Южнорусской народности отъ духовнаго порабощенія несоответственными ей стихіями.

СТЕПАНЪ ПОГАРСКИЙ.

Варшава.

3 августа 1862.

Въ-дополненіе къ прежнему письму моему, сообщаю еще одну грустную новость. Читайте:

Duch światyż każe, dítjam knyżku daty,
Knyżka zdrowja *nie* może psowaty,
Knyżka detyni rozumu nahodyt',
Uczyt' mólytwy i swarki boronyt'.
Knyżku detyni, jak daś maty w ruki,
Izbawił duszu od pekełnoy muki
Knyżka detynu zawede do neba,
Knyżka nauczył, jak lubyty treba
Baťka i maty — i jak treba żyty,
Szczoby bez hrichu na chlib zarobyty,
Knyżka odwerne od wsiakoj złoj spilki,
Knyżka odwodyt' ludej od horilki...
Ale choť w knyżci znaje kto czytaty
Taki powynen zawždy pracowaty:
Diwka nech znaje, hde kurka nesetsia,
Jak prasty, szyty — i jak chlib peczetsia,
Koly sia sadyt' bib albo kapusta.

J jak na riczei treba praty chusta;
 Chlopeć nech 'znaje, jak w poli robyty,
 J jak chudobu powinen hladity,
 Jak za sokiru wziatyś, ta za szyło,
 Jake majsterstwo, albo druhe diło,
 Bo jak to kazut' — szczo dobre wse znaty,
 Szczoby, jak treba, ludej ne pytaty.
 Szczastjem, zdorowjem, błohosłowy Boże,
 Tomu, kto ditjam uczytyś pomoże,
 Kto dobrym słowom odwerne od złoho,
 I dobrym sercem pryhorne jak swoho.
 Ne cej szczo daje darmo ludjam broszy,
 Szapki i swytki i byndy horoszi,
 A cej sławu pered Bohom maje,
 Kto prawdy, praci — ditok nauczaje».

Въ этомъ видѣ — латинскими буквами — печатаются эти вирши въ польскихъ газетахъ. Цѣль — ясна. — видна насквозь; источникъ — тоже. Сердце сжимается отъ подобныхъ явленій...

Какія мученія долженъ вытерпѣть человѣкъ, посвятившій лучшіе годы свои, всю свою жизнь, на дѣло возрожденія Украинской народности! Сколько разъ приходилось ему сомнѣваться въ осуществленіи этого справедливаго, святаго дѣла! Какимъ тяжелымъ гнетомъ ложились на сердце слова: »Малорусская литература немислима;« она возможна »для домашняго обихода;« или »Wydawcy »Ospowu« sami śmieją się ze swojej pracy?» Ужасно положеніе человѣка, которому осталось одно только на свѣтѣ — любить родину и желать ей нравственнаго развитія *по-своёму*, а тутъ — съ одной стороны не то, и съ другой — не такъ... И все это происходитъ отъ равнодушія тѣхъ, которымъ бы не слѣдовало быть равнодушными! Чтó будетъ дальше — не знаю. А противники дѣйствуютъ энергически.... Ужели невозможно, основываясь на томъ, что »Rusiński język« есть самостоятельный языкъ, котораго нельзя называть ни Русскимъ, ни Польскимъ нарѣчіемъ, ходатайствовать о введеніи чисто-украинскихъ граматовъ? Иначе — къ чему же приведуть нашъ народъ эти Elementarze? — вѣдь второе, третье поколѣніе не будетъ знать *гражданки*, а безъ нея, незамѣтнымъ образомъ, народъ пойдетъ *не* своимъ путемъ... Чтó эти опасенія не напрасны, можно доказать... Въ далѣкомъ будущемъ можно провидѣть многое — даже унию и католицизмъ. Отъ всего

этого одно спасеніе — преподаваніе на южнорусскомъ, украинскомъ, языкѣ ⁽¹⁾.

Варшава.

VI.

НАПОМИНАНІЕ О ПОДВИЖНИКАХЪ ЧЕРНОГОРЦАХЪ

Еслибы наши соплеменники — Славяне, бьющіеся подъ игомъ разныхъ чужеродцевъ, — судили по однимъ только печатнымъ проявленіямъ о сочувствіи къ нимъ русскихъ братій, то, безъ сомнѣнія, давно бы причислили насъ къ союзникамъ и родичамъ *только по-имени*. Бóльшого равнодушія, бóльшого непониманія естественной, слѣдовательно и разумной, и благотворной связи, существующей въ природѣ славянскихъ народовъ, трудно гдѣ-либо и въ чемъ-либо встрѣтить, какъ въ русской литературѣ. Живя *по-старинѣ*, т. е. въ рабской зависимости отъ западныхъ учений, многіе представители русской журналистики гораздо искреннѣе и сочувственнѣе занимались какой-нибудь мексиканской войной, нежели дѣлами славянскими, и нерѣдко преслѣдовали насмѣшкой тѣхъ честныхъ дѣятелей мысли, которые упорно и настойчиво добивались у офранцузенныхъ, онѣмеченныхъ, или англазированныхъ русскихъ людей вниманія къ славянскимъ братьямъ. Но кто судить о движеніи и направленіи русской мысли и чувства, объ истинномъ внутреннемъ образѣ русскаго общества, по печатному слову, тотъ судить по плохому, невѣрному зеркалу; сочувствіе къ Славянамъ всегда жило въ обществѣ, во множествѣ отдѣльных разбросанныхъ личностей, хотя это сочувствіе и не могло вполне проявиться ни въ словѣ, ни на дѣлѣ. Но, повидимому, наступило время, когда Славянской вопросъ становится одинаково близкимъ и литературѣ и обществу. Правда, и тутъ не посчастливилось Руси въ-отношеніи самобытности и

(1) Съ петербургскимъ ожидаемъ отзывомъ на «Мысли Южнорусса» изъ родной Украины, и приносимъ душевную благодарность щирому Украинцу, заявившему уже, изъ чужой стороны, живое участіе къ потребностямъ родины. *Дорогіе* 10 рублей будемъ хранить при *Основѣ* просимъ подробнаго адреса и продолженія писемъ.

самодѣтельности: русская журналистика дѣлается внимательна къ Славянскому дѣлу уже тогда, когда весь міръ — и даже — Франція, — даже Англія, — заняты имъ въ эту минуту не менѣе всякаго другаго дѣла... Какъ-будто нарочно, и на этотъ разъ мы плетемся за другими — словно по указкѣ...

Німець скаже: »ви — Монголи...«

Монголи, Монголи!..

— Золото́го Тамерла́на

Онучата го́лі! —

Німець скаже: »ви — Славья́не...«

Славья́не, Славья́не!..

— Сла́внѣхъ пради́въ вели́кихъ

Пра́внуки погані. (Т. Шевченко).

До-сихъ-поръ это было именно такъ, какъ опредѣлилъ поэтъ: «а гвалту! а крику!» — слова, слова, одни слова; но вотъ слово становится дѣломъ. *»Современное Слово«* первое печатно предложило и успѣшно подвинуло подписку въ пользу Черногорцевъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

»Доблестные одноплеменники наши въ Черногоріи заслуживаютъ вполне нашего участія и сильно нуждаются въ немъ. Въ настоящее время руки всѣхъ ихъ заняты оружіемъ и поля ихъ остаются необработанными; прежній посѣвъ ихъ уничтожается непріятельскимъ нашествіемъ. Единственныя долины, снабжавшія ихъ хлѣбомъ для вывоза, совершенно раззорены Турками; всѣ взрослые люди мужескаго пола, даже пятнадцатилѣтніе юноши, стоятъ подъ ружьемъ; дома остались одни старики, женщины и дѣти. Какъ послѣднимъ, такъ и первымъ, приходится испытывать всевозможныя лишенія, а въ ближайшей будущности всѣмъ имъ угрожаетъ голодъ. Дѣло ихъ святое: для защиты своей независимости они жертвуютъ всѣмъ. Неужели мы, — которые столько твердимъ о нашемъ сочувствіи къ Славянамъ, которые признаёмъ справедливость ихъ дѣла, — останемся сложа руки и не пожертвуемъ, для помощи имъ, хоть малой лепты, которая для насъ представляетъ какое-нибудь, часто вовсе не веселое, удовольствіе, а для нихъ представляетъ средство прожить нѣсколько дней съ семействомъ? Неужели мы допустимъ до того, чтобы они окончательно усомнились въ нашей помощи; допустимъ, чтобы совершенно прервалась наша связь съ ними, прекратилось наше значе-

ніе для нихъ? Неужели мы рѣшимся явить предъ самими собой такое явное доказательство безсилія нашей самостоятельности? Неужели все наше участіе къ нашимъ соплеменникамъ ограничится одними высокомѣрными совѣтами московскаго «посланія къ Сербамъ», которое такъ компрометировало Москву въ славянскихъ земляхъ?...

»Съ Черногорцами, болѣе чѣмъ съ какими либо иными изъ нашихъ южныхъ соплеменниковъ, мы связаны исторіей. Само общество наше почти ничѣмъ не заявило доселѣ столь хваленнаго своего сочувствія къ Черногорцамъ. Все наше содѣйствіе ограничивалось до-сихъ-поръ пожертвованіями нѣсколькихъ благочестивыхъ лицъ на сооруженіе и украшеніе церквей въ Черногоріи и подаваніями пріѣзжавшимъ къ намъ въ великій постъ черногорскимъ монахамъ. Положимъ руку на сердце и спросимъ себя — довольно ли этого, или —еще лучше—то ли было нужно цѣлому народу, терпящему разореніе за свою любовь къ свободѣ отечества? Въ недавнее время страшные пожары, бывшіе въ Петербургѣ, вызвали подписки въ пользу погорѣвшихъ, въ нѣсколькихъ соплеменныхъ съ нами и иноплеменныхъ странахъ. Неужели мы не покажемъ такого примѣра, когда разореніе угрожаетъ не нѣсколькимъ лицамъ, а цѣлому народу, —не торговцамъ, бѣдствіе которыхъ было несчастіемъ, но не заслугою, а защитникамъ свободы своего отечества, которые добровольно жертвуютъ вѣкъ высокой идеѣ?

»Подписка въ пользу разоренныхъ Черногорцевъ открыта въ Чехіи, въ Кроаціи, въ Сербіи и даже въ иноплеменной Греціи. Неужели мы ничего не можемъ сдѣлать для поддержанія полутораста тысячъ доблестныхъ страдальцевъ?

»Нѣтъ, мы сдѣлаемъ что-нибудь; мы можемъ сдѣлать многое. Если мы захотимъ удѣлить имъ хоть малую долю, то и этой доли можетъ быть достаточно для поддержанія ихъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, до заключенія мира. Разумѣется, цѣль нашихъ пожертвованій должна быть чисто-филантропическая: мы будемъ жертвовать въ пользу черногорскаго населенія, разореннаго бѣдствіемъ и лишеннаго средствъ къ существованію. Мы убѣждены, что наша мысль о подпискѣ не встрѣтитъ затрудненія: австрійское правительство, какъ мы видѣли, допустило такую подписку въ Богеміи и Кроаціи: а вѣдь оно менѣе всякаго иного благо-

пріятствуетъ Славянамъ. Наше правительство можетъ справедливо гордиться тѣмъ, что оно оказываетъ имъ покровительство. Пусть оно дѣйствуетъ на дипломатическомъ полѣ, а мы будемъ дѣйствовать на полѣ филантропическомъ, и покажемъ самимъ-себѣ и всей Европѣ, что и русскій народъ имѣетъ свои убѣжденія, которыя проявляются не словами, а дѣломъ.

»Приглашаемъ всѣхъ, кому дорога мысль о независимости родины, кто дорожитъ нашей связью съ прочими Славянами, кто хочетъ показать, что онъ способенъ переносить свои убѣжденія на дѣло—присылать посильныя денежныя пожертвованія въ пользу раззоренныхъ Черногорцевъ въ редакцію «Современнаго Слова» (у Казанскаго моста, домъ Ковалевскаго). Имена жертвователей, съ означеніемъ суммы присланныхъ денегъ, будутъ объявляемы отъ времени до времени, печатно. Деньги отошлутся надлежащимъ путемъ въ распоряженіе черногорскаго правительства, для употребленія по назначенію; о суммахъ, полученныхъ имъ отъ насъ, будетъ гласное увѣдомленіе.»

Уже извѣстно, что этотъ вызовъ встрѣченъ съ неподдѣльнымъ сочувствіемъ на Сѣверѣ; на Югѣ, безъ сомнѣнія, найдется также не одно благородное сердце, готовое помочь угнетенному брату. Пожертвованныя деньги найдутъ нуждающихся и придутъ всегда во-время, даже если бы туркамъ и удалось, на короткое время, задавить горсть вѣчно-славныхъ борцовъ за свободу отчизны!

КОБЗАРЬ.

(ЧАСТКИ)

LXIII.

ЗЪ ПОЭМИ »ПЕТРУСЬ.«

Були на хуторі пані —
И панъ и пані небагаті,
И дочечка у їх росла,
Ужé чимала піднялась;
И генераль її посватавъ,
Бо страхъ-хорошая була,
А генераль бувъ страхъ-багатий; —
Отъ, и таланъ Господь пославъ
На вбогий хутирь... ублагали
Царя небесного!... Взяли —
Іі гарненько одягли,
Та у неділю й повінчали,
И генеральшою назвали,
И цугомъ въ Київъ повезли.

Булó на хуторі погане
Малé хлопья—свиней паслó,
Петрусёмъ звалося; на придане
Вовó за панною пішло
У генеральське село
Свиней же пасти безталанне.

За ба́ломъ ба́лѣ у генера́ла.
 За генера́льшою чима́ла
 Орда́ пані́въ и пани́чівъ;
 А генера́льша у-ночі
 Уже́ тихе́нько й пла́каты ста́ла.
 — Занапасти́ла мене́ ма́ти...
 Зовья́не ма́рно у пала́тахъ
 Краса́ и мо́лодость мо́я.—
 »Ти, ду́шко, пла́чешъ?«—Хто́ се? я?
 Ні, я не пла́чу.... »Зна́єшь, Ма́ню?
 У го́роді тепе́рь Армяни:
 Купи́ собі, Машу́ню, шаль.«
 —Мини́ не тре́ба ти́ шали...—
 »Не завдава́й же се́рцю жа́лю!
 Купи́, голу́бка! Не печа́ль
 Мого́ ти се́рця!... А весно́ю
 Въ Пари́жъ поїдемо зъ тобо́ю,—
 Або́ поїдемо въ се́ло...
 Якъ схоче́шь, се́рце....«

Тихо, тихо,
 Зима́ мина́ла; крі́лось ли́хо
 Та въ са́мімъ се́рці й улягло́сь
 У генера́льши мо́лодо́ї.
 Поїхали въ се́ло весно́ю;
 Въ селі́ бенке́ти загу́ли;
 А генера́льша пла́че, пла́че,
 А генера́л то́го не ба́чить,
 А всі́ вже ба́чили въ селі́.

Зъ нудги́, изъ двору́ погуля́ти
 Яко́сь задума́вшись пішла́,
 Та ажъ за ца́рину зайшла́.
 Та й ба́чить, шо па́се ягня́та
 Ма́ле хлопья́точко въ стерні́.
 — О го́ре, го́ренько ми́ні!
 Що́ я робі́тиму на сві́ті?...
 Се ти́, Петро́усю?—»Аже́жъ я...«
 — — —

І повелá

Его въ палáти. А въ палáтахъ
 Причепури́ла, одягла́,
 А по́тімъ въ шко́лу оддалá...
 И любо́й... Неха́й радіе,
 Поки́ надія́ се́рце гріе,
 Поки́ росте́ съ то́го зерна́
 Аб́о ку́кіль, або́ пше́нця...
 Бо ми не зна́емъ, що́ творі́тця
 У ёго тамъ. А вінъ хочъ зна,
 То намъ не ска́же.... Якъби зна́ла
 Мату́ся го́ренько тво́е,
 Чи оддала́ бъ за генерáла
 Дитя́ єдине́е сво́е?
 Не отдала́ бъ... А въ-ті́мъ—не зна́ю,—
 Бо всі́кі матері́ бува́ють...

Мина́ють дві́ собі по-во́лі;
 Пётру́сь до шко́ли да изъ шко́ли
 Зъ кни́жками́ ходи́ть, та росте́;
 Сама́ ажъ ні́бі́ молоді́е,
 А генерáлъ собі́ раді́е,
 Що́ ді́ло, ба́чите, святе́
 У-двохъ та́кі вони́ зробі́ли.

Пётра́ на во́лю одпусти́ли;
 Зімо́ю въ Ки́ївъ відвезлі́,
 И тамъ у шко́лу оддали́,
 И тамъ чи-ма́ло поповчи́ли.
 Верну́вся зъ Ки́йва Пётру́сь
 Уже́ Петро́мъ и паниче́мъ,
 И куче́рі ажъ по плече́,
 И ви́спався чо́рний усь
 И що́.... Та се́ ще не втече́:
 Роска́жемъ і́ноді́ ко́лісь
 Про те́, що́ сні́лося Петро́ві.
 А генерáльші́ чо́рнобро́вій — —
 Що́ сні́тця?...

Передъ Пречистою
Горить лампада у-ночі.
Поклони тяжкі быючи
Ридала....

— — —

Молитва їй не допомогла:
Вона, сердешна, одурила, —
Вона небога полюбила
Свого Петра!... И тяжко їй,
Душі негрівній молодій!
Та щожъ робить? Не стало сили!
Сердега разомъ одурила.
Та й якъ ёго одній, святій
Прожити літа молодій?
Воні жъ не вернутця!... Якъ хочъ!
А лихо, кажуть, перескочъ,
А то задавить. Генеральша
Не перескочила, — бо їй
Хотілось жити молодій!

— — —

— Петрусь! Друже мій єдиний!
Моє ти серце! Мій ти сину!
Рятуй мене, рятуй! рятуй!
О, матері Божая! Роскуй
Мою ти душу! — И ридала,
И батька й матір проклинала,
И все на світі. А Петрусь —
Ії єдина дитина —
Гулявъ собі пренеповинний
Въ саду, та арію якусь
Мугикавъ стіха. Більш нічого
Петрусь не бачивъ. А небога
Самá не знає, що робить?
И що їй діяти зъ собою? — —
Моліте Господа, дівчата,
Моліте Господа, щобъ мати
И васъ отакъ не завдала

За генерала—за палати—
 И вась отакъ не продала....
 Любітєсь, діточки, весною...
 На світі є когó любіть
 И безъ користи; молодю,
 Пренепорочною, святою,
 Въ малій хатині б́уде жить
 Любóвъ та ч́истая, и б́уде
 Святій покóй вашъ стерегті
 И въ домовині.

Щó жъ то б́уде
 Съ превосходительною? Щó ти
 Теперъ роб́итимешъ зъ собою,
 Съ своєю бóжою красóю?
 Хто стерегтіме твій покóй,
 Украдений твоімъ Петрусемъ?
 — — — Ніхто
 Не встережé теперъ! Боюся,
 И вимовить боюсь теперъ
 Твоє грядущее....

У Київъ їздила, молилась
 Ажъ у Почаєві була —

— — —
 Не їла три дні й не пи́ла
 Верну́вшись съ прóщи, и три но́чі
 Не спала; впали карі́ очі;
 Засóхли ѓуби; и въ-ночі
 Щось хóдя шéпче сміюч́ись....
 Ажъ т́иждень такъ собі нуд́ила...

— Я б́уду жить,
 И б́уде с́рденько любіть,—
 Подумала чи то сказа́ла.
 Хоті́ла спать, алé не спала;
 И жда́ла світу—и дожи́ть
 До світу Бóжого бо́ялась.

— — —

LXIV.

СУБОТІВЪ.

Стоїть въ селі Сѹботові (¹),
 На горі високій,
 Домовина України
 Шірока, глибока...
 Ото цѣрква Богдánова:
 Тамъ-то вінъ молився,
 Щобъ москаль добромъ и лихомъ
 Зъ козакомъ ділився.
 Миръ душі твоїй, Богдáne!
 Не зовсімъ такъ сталось... — —
 Могили вже розривають,
 Та грóшей шукають;
 Лѣхи твої роскопують
 Та тебе жъ и лають,
 Що за трудї не нахóдять...
 Оттакъ-то, Богдáne! — —
 За тежъ тобі така й дѣка:
 Цѣркву — домовину;
 Немá кому полáгодить!
 На тій Україні,
 На тій самій, що съ тобою
 Лѣха задавила... — —
 Оттакé-то, Зівóвію,
 Олексієвъ дру́же!
 Ти все оддавъ приятелямъ,
 А імъ и байдуже; —
 Кáжуть, — бáчишъ, — що »все то-тé
 »Такі й було наше,
 »А що ми тільки наймали

(¹) Сѹботівъ — село, де родився Богдánъ Хмельницький.

»Татáрамъ на пáшу,
 »Та Полякáмъ...« Може й справді!
 Нехáй и тáкъ бóде!
 Такъ сміютьця зъ України
 Сторóнній люде!..
 Не смійтеся, чужі люде:
 Цérква — домовина
 Розвáлитця... а сь-підъ неї
 Вста́не Україна
 И розвіе тьму невóлі,
 Світъ прáвди засвітить,
 И помóлятця на во́лі
 Невóльничі діти. (¹)

LXV.

Въ невóлі въ самоті немає —
 Нема сь кимъ сéрце поедна́ть:
 То самъ-собі оцé шукаю
 Когóсь-то, зъ нимъ шобъ розмовля́ть, —
 Шукаю Бо́га, а нахо́жу
 Такé, що цу́рь ёму́ й каза́ть...
 Отъ-що зробили зъ ме́не го́ди
 Та безтáланне!.. та ще й те́,
 Що літечко моé святé
 Мину́ло ма́рно, що немає
 Ніже єди́ного случáю,
 Щобъ до-ла́дú бу́ло згада́ть...
 А думу́ треба розважа́ть, —
 Бо їй такъ хо́четця, такъ про́ситъ,
 Хочъ сло́ва т́хого!.. не чу́ть...
 И, мовъ у полі́ снігъ занóситъ,
 Неохолóнувший ще трупъ.

(¹) Это стихотворение написано задолго до Манифеста 19 февраля, уничтожившаго навсегда крепостную неволю.

LXVI.

За думою дума роємъ вилітає,
Однѣ давить серце, друга роздирає,
А трейтяя тихо-тихесенько плаче
У самому серці—и ніхто не бачить.

Кому жъ її покажѹ я?

И хто тѹю мову

Привітає, угадає

Великеє слово?

Всі оглѹхли — похилились

Въ кайданахъ — байдуже...

Ти смієшся, а я плачу,

Великій мій друже.

А що вродить зъ того плачу?

Болиголовъ, брате...

— — —

Нехай, брате! а ми будемо

Сміятись та плакати.

Т. Шевченко.

ЛИСТИ ШЕВЧЕНКА.

11) ДО С. СТ. АРТЕМОВСЬКОГО.

I.

1 июля 1852.

Всякое даваніе благо, тѣмъ болѣе, если оно неожиданно, какъ, напримѣръ, твои 20 р., полученные сегодня. Благодарю тебя, искренній друже мой! Трижды благодарю. Ты знаешь, я прежде въ счастливое мое время, не ворочалъ, можно сказать, капиталами, а теперь, когда я уже шестой годъ и кисти въ руки не беру (мнѣ рисовать запрещено), то можешь себѣ представить, что значать для меня твои 20 руб.! Только вотъ-что: если я не ошибаюсь, у насъ съ тобой уговору не было, чтобы платить мнѣ за работу. Кажется, такъ. Правда, давно это было; я могу и забыть. Я помню только печене порося и пирожки въ корзинкѣ. Помнишь ли, добрый другъ мой! Счастливое время! Кажется, недавно, а вотъ уже 12 годъ тому назадъ! Летятъ наши годы,—Богъ ихъ знаетъ, куда они такъ торопятся... Я какъ теперь вижу тебя, непосидящаго Элькана и флегму Ѳедота и широкого козака Кухаренка, та ще родича твоего скрипника, та ще... и, Богъ ихъ пересчитаетъ. Много ихъ... гдѣ-то они теперь? Живутъ себѣ дома припѣваючи; только я одинъ, какъ отколотая щепка, ношуся безъ пути-дороги по волнамъ житейскаго моря! И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ меня не носило впродолженіе этихъ бѣднхъ пяти лѣтъ? Киргизскую степь изъ конца въ конецъ всю исходилъ, море Аральское и вдоль и

впоперѣгъ все изплавалъ, и теперь сижу въ Новопетровскомъ укрѣпленіи, та жду чтó дальше будетъ; а это укрѣпленіе, да вѣдомо тебѣ будетъ, лежитъ на сѣверовосточномъ берегу Каспійскаго моря, въ Киргизской пустыни. Настоящая пустыня! песокъ да камень; хоть бы травка, хоть бы деревцо — ничего нѣтъ. Даже горы порядочной не увидишь — просто, чортъ знаетъ чтó! смотришь, смотришь, да такая тебя тоска возьметъ — просто, хоть даvisь; такъ и удавиться нечѣмъ. Да, человѣкъ въ несчастіи живетъ въ самомъ себѣ, какъ говорятъ разумные люди, т. е. размышляетъ. А къ чему ведетъ размышленіе? спросить бы этихъ умныхъ людей. Къ тому, что разрушаетъ надежду, эту всесвѣтную прекрасную обманщицу! Признаюсь, я долго надѣялся, но потомъ и рукой махнулъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, мнѣ счастье не къ лицу. Родился, выросъ въ неволѣ, да и умру, кажется, солдатомъ. Какойнибудь да былъ бы скорѣе конецъ, а то, въ самомъ дѣлѣ, надоѣло чортъ знаетъ по-каковски жить.

Если будешь писать Ивану Михайловичу, то благодари его отъ меня за его участіе въ твоёмъ добромъ дѣлѣ. Я самъ хотѣлъ писать ему, да боюсь: Богъ его знаетъ, можетъ-быть онъ еще и разсердится, что какъ дискать смѣлъ солдатъ себѣ позволить то и то... Правда, онъ былъ когда-то человѣкъ негордый, да вѣдь это было давно, а время и счастье сильно людей измѣняетъ. Впрочемъ, я не думаю, чтобъ И. М. перемѣнило генеральство; онъ, мнѣ кажется, такой же добрякъ и хлѣбосоль, какъ и прежде былъ,—поэтому я все-таки напишу ему, только не съ этой почтой. А почта у насъ приходитъ и уходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Чи жива въ Городишѣ твоя старая мати? Коли здравствуетъ, то низько кланяюсь ей.

И кланяюсь всѣмъ общимъ нашимъ знакомымъ, особенно Л. Элькану и С. Крамаревскому — когда здравствуютъ.

О новостяхъ литературы, музыки и театра я не имѣю совершенно никакого понятія: кромѣ «Русскаго Инвалида» ничего у насъ не имѣется; «Сѣверную Пчелу», газету литературную, забылъ уже какъ и зовутъ. Сначала было для (меня) ужасно тяжело безъ всякаго чтенія. Потомъ сталъ привыкать, и, кажется, совсѣмъ привыкну; — когда бы поскорѣе! а то сидишь, сидишь сложа руки, да и захочется прочитатъ что-нибудь новенькое, а его нѣтъ. Такъ больно станеть, что не знаешь, куда дѣваться. Но самое мучитель-

ное для меня то, что мнѣ рисовать не позволяютъ. А причины— не знаю почему. Тяжело! больно тяжело! А дѣлать нечего... Прощай, мой искренній друже, не забывай безталанного *Т. Шевченка*.

Р. S. Чи не зострієшся часомъ зъ Василемъ, або Михайломъ Лазаревськими, то познакомся зъ ними.

Сегодня попался мнѣ лоскутокъ печатной бумаги; читаю, а тамъ говорится о концертахъ прошедшей весны и о концертѣ г. Артемовскаго, какъ о замѣчательнѣйшемъ, и артисткѣ г-жѣ Артемовской, очаровавшей слушателей игрой на инструментѣ, давно забытомъ, т. е. на арфѣ! Боже мой!—думаю себѣ, — онъ уже женатый!

Господи, пошли тебѣ счастье въ твоей семейной жизни!...

II.

Новопетровское укрѣпленіе. Іюня 15, 1853 г.

Я такъ думаю, друже мій милостивий, что только одни безталанные одинокіе *сіромѣ*, — такіе, какъ я теперь, — въ одиночествѣ, на чужинѣ, способны ощущать то счастье, ту великую радость, какую я почувствовалъ, получивши твое сердечно-дружеское письмо. Добре ти робишъ, брате Семене. Нехай Господь посилае твое добро на тебе и на жіночку твою и на діточокъ твоіхъ!

Впродолженіе шести лѣтъ моей тяжелой неволи, я пробовалъ писать де-кому изъ своихъ друзей-пріятелей—такъ чтожъ!... Тяжко, страшно-тяжко, друже мій единный!

Съ іюля прошедшаго года, я до сей поры не получилъ ни одного письма и думалъ уже, что я всѣмъ забытый; только на прошлой недѣлѣ получается астраханская почта, а съ почтою и письмо твое, друже мій добрый. Только какая исторія изъ того письма вышла: Комендантъ Маевскій умеръ прошедшею зимою, а новый комендантъ письмо твое съ 10 р. хотѣлъ обратитъ назадъ. Великаго труда мені стояло убагать его, чтобы онъ раскрылъ конвертъ. Отакимъ-то побитомъ получилъ я твое искреннее посланіе. А де вже его не возили: и на Кавказъ, и въ Оренбургъ, и знову въ Астрахань, та вже изъ Астрахані на силу пришло въ моі руки.

Что же теперь написать тебѣ о моей бѣдной, невольнической жизни? Думаю, лучше всего—ничего не писать, потому что хорошаго сказать нечего, а про дурное лучше промолчать. Нехай воно врагамъ нашимъ снится. Ты пишешь, что не знаешь дѣла, по которому меня постригли въ солдаты! Знай же, что дѣло не подлое, и еще знай, что мнѣ запрещено писать (окромѣ писемъ) и рисовать, — вотъ гдѣ истинное и страшное наказаніе. Шесть лѣтъ уже прошло, какъ я мучуся безъ карандаша и красокъ. Горе! и еще горе! Отъ до чего довели мене стишки, трижды проклятые...

Нашелъ я близъ укрѣпленія хорошую глину и алебастръ. И теперь, тоски ради, занимаюсь скульптурой. Но, Боже, какъ жалко я занимаюсь этимъ новымъ для меня искусствомъ: въ казармахъ, гдѣ помѣщается цѣлая рота солдатъ; а про модель и говорить нечего. Бѣдное занятіе!

Спасибі тебѣ, шо нагадавъ ти мені про К. И. Іѣхима; хоть я, правду-сказать, и не забываю моихъ добрыхъ пріятелей, но не писалъ ему потому, что боялся его молчанія на мое посланіе, какъ это сдѣлали другіе мои пріятели, въ томъ числѣ и Михайловъ, товарищъ мой по академіи. Кто его знаетъ, гдѣ теперь онъ? Да и не одинъ онъ такой. Перовскій привезъ съ собою въ Оренбургъ нѣкоего Гороновича, тоже моего товарища по академіи, и когда его спросили, не знакомъ ли онъ со мною, то онъ просто сказалъ, что и не видалъ меня никогда. И такіе бываютъ люди на свѣтѣ! Іѣхиму я пишу небольшую цидулу и прошу тебе передать ему и просить его о томъ на словахъ, о чемъ я его въ письмѣ прошу, а прошу я его вотъ о чемъ: если онъ и теперь занимается галванопластикой, то у него, вѣроятно, есть форма небольшихъ фигурокъ, то пускай изъ (нихъ) выбере одну или двѣ изящнѣйшихъ, та вылье хоть изъ папьемаше и пришле мнѣ, ради святого искусства. Я могъ бы ихъ копировать изъ глины и это замѣнило бы мнѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, натурщика, або натурщицу. Попроси его, брате Семене! Вылѣпилъ я небольшой барельефъ, вылилъ его изъ гипсу и хотѣлъ тебѣ послать одинъ экземпляръ, такъ не знаю, довезетъ ли почта такую хрупкую вещь какъ гипсъ, это разъ; а другое и то, что совѣстно и посылать въ столицу такую ничтожную штуку, какъ мой первенецъ-барельефъ. А вотъ,

дасть Богъ, поучусь, та выліплю второй—такъ тотъ уже стеариномъ залью, та приплю тобі.

Я слышалъ, что графъ Толстой занимался опытомъ надъ гутаперчею, чтобы выливать свои медали, такъ спроси у Іѣхима, не знаетъ ли онъ, каковы результаты опытовъ г. Толстого. Вотъ бы хорошо было! я бы и себѣ выписалъ гутаперчи, та и заходився бѣ выливать свои бѣдныя произведенія.

Я уже думалъ-было устроить себѣ невеличкий гальванопластическій аппаратъ, такъ чтожъ! въ великомъ городѣ Астрахани, окромѣ кумысу и тарани, ничего достать нельзя, даже немуравленнаго горшка, который при этомъ дѣлѣ необходимъ, а о мѣдной проволоцѣ и не слыхала Астрахань. Вотъ городъ, такъ городъ! Настоящій восточный, или лучше сказать, татарскій.

Я еще прошу К. И., не сообщить ли онъ мнѣ своихъ простыхъ практическихъ средствъ въ-отношеніи гальванопластики, потому что я, кромѣ физики Писаревского, ничего не имѣю, а въ ней говорится о семъ предметѣ слишкомъ-лаконически.

Эхъ! то-то було бѣ, дурний Тарасе, не писать було бѣ поганихъ віршъ, та не вшиваться почаству горілочкою, а учитця було бѣ чому-небудь доброму, полезному, — отъ би теперъ якъ нахідка. А то посивівъ, оголомозівъ, дурню, та и заходився вчитця физики. Не думаю, чтобы изъ этого что вышло, потому что я отъ природы вышелъ какой-то неконченный: учился живописи и не доучился, пробовалъ писать—и вышелъ изъ меня солдатъ, да какой солдатъ! просто, копія съ того солдатскаго патрета, что написалъ Кузьма Трохимовичъ, у покойнаго Основьяненка. А тимъ часомъ старіюсь, и постоянно болѣю, Богъ его знаетъ, отъ чего это? должно быть, зъ нудьги та неволі. А конца все-таки не вижу моей грустной перспективѣ, та безъ протекціи, правда, его и видѣть невозможно; а у меня какая протекція? Правда, були деякі люде, такъ чтожъ?

Однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Пушкинъ нѣкогда сказалъ.

И мнѣ теперь осталось одно—ходить отутъ, по степу—долго еще ходить та мурныкать:

Доле моя, доле, чомъ ти не такая,
Якъ инша чужая!

Кланяюся низенько твоїй Александрі Ивановні и щиро цілую твоїх діточокъ и Варвару и Александру, — нехай здорові ростуть, та щасливі будуть.

Такъ теперъ, для тебе, Городище—чуже село: стара твоя мати умерла, царство їй небесне.

Оставайся здоровий и будь щасливий во всѣхъ твоїхъ начинанїяхъ, мій искренний, мій єдиний друже Семене!

Твій щирый Т. Шевченко.

III.

6 октября 1853.

Въ декабрѣ (или генварѣ) теперешняго года получишь ты, єдиний друже мій Семене, изъ частныхъ рукъ, а не черезъ почту, невеликий ящикъ съ дѣломъ рукъ моихъ,—сказать по правді, съ пренечепурнымъ дѣломъ: такъ щобъ я маю робить? виліпнѣть я то ще якъ небудь виліпнѣвъ, а вилѣть и досі не вмію; не те, правду сказать, шо и не вмію, але матеріалу доброго нїгде взяти, сїрічъ, алебастру. Прийми Богу приѣму що єсть, та й не осуди: на той рїкъ, Богъ дасть, пришлю що-небудь крашче, и то тогді тільки якъ достану алебастру изъ тїєї поганої Астрахані.

Ежели въ декабрѣ или въ генварѣ ты не получишь сего добра, то, якъ будешъ на Васильевскомъ острову, зайди въ академію наукъ, у ту, шо коло биржи, и спроси на квартирѣ у академика фонъ-Бѣра камердинера єго, Петра, а у Петра спроси ящикъ на твое имя, а може тобі той Петро и самъ принесе — не знаю.

К. Ивановичу Ієхиму не показуй моего *трио*, а то я добре знаю, шо вінъ мене вилає. А все-таки поклонися єму, якъ побачишь, и попроси єго, щобъ вінъ мені приславъ який небудь маленький барельєфикъ; а щобъ єму не тратитьця на почту, то нехай отдасть тобі, а ти передай оцѣму Петрові, а Петро и привезе єго въ марті місяці ажъ у Астрахань. А академикъ Беръ весною буде знову у насъ и привезе мені той подарокъ К. И.

Видишь ли, друже мій єдиний, для чого я такъ прошу отъ К. И. барельєфа якого-небудь: мені, ти знаєшь, рисовать запрещено, а ліпнѣть—ні, то я и ліплю теперъ, а кругомъ себя не бачу нічого,

прочъ степу та моря: то хотілося бь хочъ подивитьця на що-небудь хороше! Може бь, подивившись, и моя стара мучена душа стрепенулася; хоча бь и не стрепенулася, то може бь на старості тихенько заплакала бь, дивлячися на прекрасное созданіе души человеческой.

Теперь хоть би на стороні постоять коло тнеі академіі, а перше! та що те перше, и згадувать! Коли буваєшь часомъ у старого Григоровича, то поклонись ёму старому одъ мене, и Софіі Ивановні, коли жива, то тежъ поклонися.

Та ще, прошу тебе, зайді въ магазинъ Даціаро (на углу Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади) и подивися на тетрадь литографированныхъ рисунковъ *Калама*, а подивившись спитай, що вони коштують и напиши мені. Аминь.

Жіночці твоій и діточкамъ твоімъ кланяюсь. Не забувай мене, друже мій єдиний.

Може ти не получивъ (а я получивъ твоі гроші) мого письма, то отъ тобі ще одинъ адресъ.

IV.

30 іюня.

Благородніший ти изъ людей, брате-друже, мій єдиний Семене! Не треба було бь тее... та, знать, у тебе стала потилиця глибока, бо брешешъ собі, нівроку, та й не схаменесся. Ну, скажи по-правді, чи есть та великая душа на світі, окроме твоєї благородної душі, щобъ згадала про мене въ далекій неволі, та ще й 15 карбованцівъ дала? Нема теперъ такихъ великихъ душъ на світі; може и були коли-небудь, та въ прійі полетіли. Одна твоя осталася міжъ нами зімовать, та тулячись самотня на морозі и сочинила собі поэму, да такую сердечную, задушевную поэму, що я и досі читаю та плачу. Великий ти поэтъ, друже мій Семене! Благодарю тебе всімъ сердцемъ и всімъ помишленіємъ моімъ. Чимъ, якъ и коли заплачу я тобі за твое истинно-християнське діло! Теперъ, кроме слёзъ благодарнихъ, нічого въ мене нема. Я—»нищій въ полномъ смыслѣ этого слова, и не только матеріально,—душою, сердцемъ обнищаль.« Отъ що зробила зъ мене проклятая неволя! трохи-трохи не идіота. Десятий годъ не пишу, не рисую и не

читаю навіть нічого; а якъби ти побачивъ, межъ якимъ людомъ верчуся я оці десять літъ. Та не дай, Господи, щобъ и приснились тобі коли-небудь такі недолюди, а я у їхъ двъ кулакѣ сижу,—давають, безъ всякого милосердія давають, а я повиненъ ще и кланятця, а то візьме разомъ, та й раздавить, якъ ту вошу межъ ногтями. До тяжкого горя привівъ мене Господь на старість, а за чіі гріхи? ей-же-Богу не знаю.

Два, чи може вже и три, годи тому буде, якъ писавъ я до тебе друже мій єдиний, и до Ієхима, але одвіту не получивъ; думавъ що пісьма мої пропали де-небудь. Або... прости мене, друже мій єдиний! була и така думка, що може ви мене занехаяли... ажъ бачу, що Богъ мене ще не покидає.

Якъ побачишъ Ієхима, то поклонися ему гарненько одъ мене и проси ёго, — нехай вінъ, ради святого Апполона, пришле мені хочъ маленький болванчикъ (статуетку), або барельфיקъ який не-будь изъ купидоновъ своєї фабрики гальванопластичеської. Ему воно не дорого коштуватиме, а мені буде великий подарокъ. Ще позаторікъ заходився я бувъ ліпити изъ воску—и нічого не вдіавъ, тимъ, що передъ очима нема нічого доброго скульптурного, а якъ би Ієхимъ приславъ мені що-небудь, то я бъ знову заходився коло воску. Нудьга, крий мати Божа, яка нудьга сидіть склавши руки, и такъ сидіть дні, місяці и годи. О Господи, сохрани всякого чоловіка отъ такої живої смерті!

Кланяюся твоїй добрій жіночці, цілую твое єдине дитя, и плачу разомъ зъ вами о погребенні вашої Александри. Прощай, друже мій єдиний, не забувай безталанного, сердцемъ преданного тобі земляка твого, *Т. Шевченка*.